

A. A. Pavlovski

А. А. Павловскій.

Contribution au problème

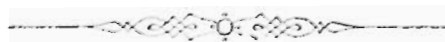
КЪ ВОПРОСУ

des

ОБЪ

l'iconographie des évangélistes

ИЗОБРАЖЕНІЯХЪ ЕВАНГЕЛИСТОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ч. Н. Соловьева (Надеждинская, 13).

1891.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *В. Дружининъ.*

Оттискъ изъ седьмого тома Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго
Общества.

Просматривая этимъ лѣтомъ греческія рукописи съ миниатюрами въ аѳинской университетской библіотекѣ, я могъ убѣдиться, что большинство изъ нихъ содержитъ четвероевангеліе съ изображеніями Евангелистовъ предъ каждымъ Евангеліемъ или предъ нѣкоторыми только. Большинство изъ нихъ написаны въ XIV в., если не позже, и только двѣ въ XII вѣкѣ. Изъ послѣднихъ особеннаго вниманія по техническому исполненію заслуживаетъ рукопись № 57, въ которой сохранились всѣ четыре миниатюры, исполненныя на золотомъ фонѣ въ хорошихъ формахъ и прекрасныхъ краскахъ, но представляющія самый обычный типъ изображенія Евангелистовъ: они изображены сидящими предъ столиками съ перчатками въ задумчивой позѣ, и только одинъ Ев. Лука, какъ написавшій самое большое Евангеліе, пишущимъ; въ самыхъ миниатюрахъ нѣтъ символическихъ животныхъ, фигурирующихъ въ заглавныхъ заставкахъ каждаго Евангелія: у Матѳея—ангелъ съ книгой, у Марка—телець, у Луки—левъ и у Иоанна—орелъ. Въ другой рукописи того же вѣка (№ 163) мы находимъ эти символы въ самыхъ миниатюрахъ: къ Матѳею съ неба спускается ангелъ, къ Иоанну—орелъ и къ Луцѣ—левъ. Въ рукописи XIV в., № 151, всѣ миниатюры представляютъ болѣе сложную композицію: въ каждой изъ нихъ фигурируетъ по два лица: Ев. Матѳею какъ бы диктуетъ Евангеліе ангелъ; Ев. Марку—ап. Петръ, Ев. Луцѣ—ап. Павелъ, а Ев. Иоаннъ диктуетъ самъ своему ученику Прохору. Другія рукописи, преимущественно, повторяютъ типы первой рукописи и отличіе ихъ изображеній, главнымъ образомъ, въ фонѣ, почти всегда архитектурномъ, и въ совершенствѣ исполненія.

Всѣ эти типы изображенія Евангелистовъ хорошо извѣстны всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ византійскими миниатюрами, хотя бы по

описанію Bordier: „Les manuscrits grecs avec des miniatures de la bibliothèque Nationale“ и по изслѣдованію г. Копдакова: „Византійское искусство по миниатюрамъ“, и поэтому мало интересны. Совсѣмъ другое представляютъ миниатюры рукописи XIV в., № 87, имѣющія, можетъ быть, слишкомъ мало художественной цѣнности, но зато представляющія изображенія Евангелистовъ Марка и Иоанна Богослова, до сихъ поръ въ литературѣ археологической еще неизвѣстныя и, если я не ошибаюсь, единственныя въ своемъ родѣ, въ виду чего я и рѣшаюсь предложить ихъ въ цинкографіи.

Оба евангелиста изображены сидящими. Ев. Маркъ сидитъ на высокомъ диванѣ и ноги его стоятъ на высокой многогранной скамьѣ. Пюштръ, какъ будто, стоитъ на диванѣ же, причѣмъ очень трудно разо-

браться въ рисунокъ этой мебели. На шюитрѣ находимъ мы стклянку съ чернилами и пожь. Евангелистъ, держа книгу на лѣвой рукѣ, — причемъ пальцами разгибаетъ книгу сверху, — правой рукой энергично пишетъ. Въ правомъ, верхнемъ, углу изъ неба, обозначеннаго расходящимися лучами, выступаетъ почти цѣлкомъ рыба, изъ открытаго рта которой лучи стремятся къ лѣвому уху Евангелиста. Въ лѣвомъ верхнемъ углу читаемъ надпись: *ὁ ἄρχος Μάρκος, ο εὐαγγελιστής*. Лицо съ подстриженными волосами, клокъ которыхъ спускается на лобъ, и съ небольшой бородкой, правильностью чертъ похвастаться не можетъ. Еще менѣе изящнаго находимъ мы въ пропорціяхъ фигуръ, далеко не отличающихся большой правильностью. Неправильны и неизящны трактовка одежды, моделировка ногъ, на которыхъ ремни сандалій представляютъ совсѣмъ оригинальный видъ. Вся миниатюра обрамлена орнаментомъ, очень обыкновеннымъ въ узкихъ обрамленіяхъ византийскихъ памятниковъ уже съ XI в.; мы встрѣчаемъ этотъ орнаментъ въ это время и у насъ въ Россіи въ софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ и церквахъ Спаса въ Передисахъ и Георгія въ Старой Ладогѣ, гдѣ онъ украшаетъ преимущественно откосы оконъ.

Этотъ же орнаментъ обрамляетъ и вторую миниатюру, на которой изображенъ сѣдой старецъ, Ев. Іоаннъ Богословъ, сидящій въ согбенной позѣ. Его продолговатое лицо съ высокимъ лбомъ, длиннымъ восточнымъ горбатымъ носомъ и длинною суживающеюся бородой, обращено къ благословляющей Десницѣ, выходящей изъ неба въ лѣвомъ верхнемъ углу миниатюры, какъ бы ища тамъ вдохновенія. Въ правой рукѣ, лежащей на шюитрѣ, у угла Евангелія, держитъ онъ стиль, лѣвую какъ бы въ знакъ удивленія поднимая кверху, локтемъ ее поддерживая Евангеліе открытымъ; за большой палецъ ее кусаетъ рыба, спустившаяся прямо съ неба и оставившая на небѣ слѣдъ своего пути. Сидитъ Евангелистъ на какой-то совершенно оригинальной мебели, разбраться въ устройствѣ которой вмѣстѣ съ шюитромъ крайне трудно, чтобы не сказать невозможно. Въ правомъ верхнемъ углу миниатюры читаемъ: *ὁ ἄρχος Ιῶ*, а на высотѣ плеча за Евангелистомъ: *ὁ θεολόγος*.

Оригинальнымъ въ обѣихъ этихъ миниатюрахъ является изображеніе рыбы и невольно хочется найти объясненіе этому изображенію. Можетъ быть, на первой миниатюрѣ появленіе рыбы, выходящей изъ лучистаго неба, можно было бы объяснить чистой случайностью, ошибкою въ пониманіи спускающагося къ Евангелисту голубя; но это объясненіе не выдерживаетъ совершенно критики во второй миниатюрѣ, гдѣ несомнѣнно художникъ изображалъ рыбу совершенно сознательно. Оче-

видно, нужно искать объясненія этой рыбы не въ техническомъ пеумѣ-
ннн художника понять и передать видѣнное, но въ самомъ сознаннн, въ
мысленнн изображавшаго ихъ. Само собою напрашивается воспоминаше

о томъ, что когда-то христіанское искусство изображало Христа сим-
волнчески въ образѣ рыбы (*ἰχθύς-Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ*), и
думается, не хотѣлъ-ли начитанный переписчикъ этой рукописи, — такъ
какъ, судя по техникѣ рисунка, я не думалъ бы отдѣлять миниатюриста
отъ переписчика, — воскресить эту старину и выразить боговдохновен-
ность Евангелія тѣмъ, что самъ Христосъ, въ образѣ рыбы, какъ бы
диктуетъ его. Съ другой стороны, можетъ быть, не осталось безъ влия-
ннн на переписчика рукописи и то мѣсто изъ объясненнн Кирилла Але-

ксандрійскаго на событіе евангельское, насыщеніе 10.000 слушающихъ проповѣдь Христа пятью хлѣбами и двумя рыбами, гдѣ этотъ святой отецъ церкви сравниваетъ пятикнижіе Моисеево съ хлѣбами, а мудрость апостольскую—съ двумя рыбами. (Migne. Patrologiae. Ser. gr. t. 73 стр. 460). Хотя, конечно, немного странно встрѣтить впервые проведеніе въ искусство этихъ пониманій только спустя много вѣковъ, но мы знаемъ такіе примѣры переживанія въ другихъ родахъ искусства, отчего же не допустить его и въ изобразительномъ искусствѣ.
